

С ГРУСТЬЮ И С НЕЖНОСТЬЮ

А. Горбунову

На ужин вновь была лапша, и ты,
Мицкевич, отодвинув миску,
сказал, что обойдешься без еды.
Поэтому и я, без риску
медбрату показаться бунтарем,
последовал чуть позже за тобою
в уборную, где пробыл до отбоя.
«Февраль всегда идет за январем,
а дальше — март». — Обрывки разговора,
сверканье кафеля, фарфора;
вода звенела хрусталем.

Мицкевич лег, в оранжевый волчок
уоставив свой невидящий зрачок.
А может, там судьба ему видна...
Бабанов в коридор медбрата вызвал.
Я замер возле темного окна,
и за спиною грохал телевизор.
«Смотри-ка, Горбунов, какой там хвост!»
«А глаз какой!» — «А видишь тот нарост
под плавником?» — «Похоже на нарыв».

Так в феврале мы, рты раскрыв,
таращились в окно на звездных Рыб,
сдвигая лысоватые затылки,
в том месте, где мокрота на полу.
Где рыбу подают порой к столу,
но к рыбе не дают ножа и вилки.

16 июня 1964